

Николай ГРИБАЧЕВ

11 Лит. газета 1976, 25 июля (МОСКВА) № 28

Есть у нас в литературе среди других поле, от которого мы ждем ценного урожая, но через которое критика наша сплошь и рядом проезжает «рысью» и на котором наука — я имею в виду теорию жанра — все еще гадает, что тут растет — горох или редиска, овес или ананас. Это — публицистика.

Недооценка публицистики, низведение ее до подсобной роли при литературе означало бы явное умаление ее роли в истории русской культуры, становлении и развитии литературы. В самом деле, может ли кто-нибудь представить художественное и духовное богатство нашей литературы без «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, без «Былого и дум» Герцена, без «Губернских очерков» и сатир Салтыкова-Щедрина, без очерков Короленко, сибирских записок Чехова, дневников и статей Льва Толстого, пламенных работ Максима Горького, без того, что создано Михаилом Кольцовым, Ильфом и Петровым, Эренбургом и многими другими? Без всего этого нельзя понять ни подлинную цену нашего литературного наследия, ни самую отличительную черту нашей литературы — ее социальный и общественный темперамент, страстное служение народу, свободе, революции.

Это не только остается верным и сегодня, но и приобретает особое значение в связи с решениями XXV съезда КПСС, определившими те новые рубежи во внутренней и международной жизни, во имя достижения которых мобилизуется вся энергия партии, народа, страны. Дело — небывало грандиозное, с многозначными последствиями, выходящими за отчие наши пределы, но дело и нелегкое. И от того, как будет действовать самая оперативная часть художественного фронта — публицистика, во многом зависят и общие успехи, и народное суждение о боеспособности нашей литературы в целом.

Что здесь хорошо и что вызывает беспокойство?

Хорошо то, что у нас действительно, без преувеличения, большая армия разнообразно талантливых людей во всех республиках самоотверженно работает в этом жанре. Он трудоемок, горяч, нервезен, в силу некоторых условий менее благодарен, чем другие. Тем больше удовлетворения от широты захвата тем и проблем — международных и внутренние события, идеология и политика, научно-техническая революция и проблемы быта, нравственности, этики. Не решаюсь называть хотя бы только общепризнанных публицистов — воспрещает регламент, — но почитайте изданный по инициативе нашего союза сборник «Шаги», присмотритесь к так называемой «второй тетрадке» «Литературной газеты» с ее острыми и порой блестящими статьями, имеющими общесоюзный резонанс и по литературным достоинствам превосходящими иные произведения прозы, — и выводы придут сами собой. А ведь это лишь маленький участок — есть еще радио, кино, телепублицистика, огромное количество других газет, журналов, книг, сборников.

Но это одна, солнечная сторона публицистики. А есть и другая, теневая. Если почитать критические статьи — а они-то и являются показателем действительного отношения к жанру, — то окажется, что публицистика была и остается падчерицей, которую первой посылают в лес по дрова и последней приглашают к столу, да и то через два дня на третий. За посредственный поэтический сборник можно удостоиться рецензии или дифирамбической статьи, хотя автор его всего лишь изъясняется в

любви к стародедовским премудростям или кашкам-ромашкам, лужкам-бережкам на уровне сентиментализма девиц из теремов и светлиц. Публицистические же работы, за редким исключением, или не замечаются критикой, или отмечаются аннотационного типа заметками.

При этом нарастает еще одна печальная тенденция — сводить публицистику лишь к внутренним делам и почти полностью игнорировать сложное и многообразное творчество публицистов-международников. Человек современный, если он не обыватель, живет не в квартире, а в мире, страна — тем более. Идеологические и международные проблемы органически входят в интеллектуальный и духовный комплекс советского человека.

К сожалению, критика не всегда это учитывает.

На многие примеры нет времени, приведу один. В канун съезда «Литературная газета» в двух номерах опубликовала статью Юрия Суровцева «Социалистический образ жизни и литература». Если не считать запальчивой попытки сделать научно-техническую революцию отмычкой ко всем замкам и традиционно небрежную, насыпную формовку поименных обойм, статья эта является добрым вестником критических перемен — в ней есть широта суждений, живость мысли и языка, полемичность, эмоциональность — словом, все то, что только и способно сделать критику не оценщиком на аукционе, а впередсмотрящим литературы и воспитателем общественного вкуса. А вот в главе «Публицистика за работой» Суровцев тоже оказался в плену однобокости, видит публицистику лишь в соотнесении с БАМом, НТР, КамАЗом, проблемами нравственными и экологическими и совершенно не замечает публицистику, действующую на горячем фронте идеологии и международной жизни. Недавно вышла книга В. Горохова «Закономерности публицистического творчества», например. Книга не без интересных суждений, но в ней снова четырежды поминается и цитируется Аграновский, снова автозавод, только не КамАЗ, а ВАЗ, и решительно ничего о публицистике в области идеологии и международной жизни. Еще одна книга, на этот раз М. Черпахова, — то же самое.

А теория жанра? Даже журнал «Журналист» рассылает письма с просьбой высказать суждение: что же она такое, публицистика, если о ней толкуют и так, и сяк? Мне уже доводилось говорить о книге В. Ученовой, написанной до пародийности наукообразно, выводящей публицистику из информационных заметок в первых английских газетах. По примитивной формуле «печатный станок — публикация — публицистика», с полным игнорированием опыта публицистики отечественной.

И не приходит этим теоретикам в голову, что они пытаются высиживать буревестников из воробьиных яиц, что информация как средство общественного оповещения родилась раньше печатного станка — чтение глашатаями указов, объявления на стенах и прочее — и овещается тоже не только на печатном станке — есть еще радио, телевидение; что раньше печатного станка в своей родовой сущности появилась и публицистика как остропроблемное обращение к общественности, массам в целях убеждения, разъяснения, полемики, агитации и пропаганды. Чтобы уяснить это, достаточно вспомнить речи римских ораторов или письма неистового протопопа Аввакума — нам бы такую страсть и блеск формы! Кстати, до печатного станка родилась и поэзия — были песни Бояна и «Слово о полку Игореве».

Наша страна является первопродцем в новое, коммунистическое будущее, наш народ совершает титаническую работу, на которую направлены все телескопы мира. И публицистике нашей во всем ее многообразии направлений и талантов предстоит деятельность сложная и жаркая. Поэтому со всей серьезностью, учитывая специфику ее художественной и общественной природы, должны мы отводить ей место в нашей литературе, со всей серьезностью должны заниматься ею критика и теория. (Апелосменты).